

САЛОН КРАСОТЫ

NIGHT CLUB

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ВРАТ

18+

Нина Кислицына

Мой любимый враг

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Мой любимый враг / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Владелица салона красоты Эмми и владелец клуба напротив Филипп три года ведут войну — через площадь, через город, через собственные уязвимости, — ненавидя друг друга ровно с той силой, с какой на самом деле друг друга хотят. Одна ночь ломает эту многолетнюю осаду: вспыхнувшая близость оказывается не случайностью, а правдой, которую оба долго прятали. Эмми впервые за годы переезжает в его дом, перестаёт ждать подвоха и учится жить, а не воевать. Их история — о том, как любимый враг становится домом, а самый тихий счастливый конец оказывается не финалом, а началом обычной жизни вдвоём.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мой любимый враг

Глава

ГЛАВА 1

Июнь в этом городе начинался с запаха лип, липнущего к асфальту, и с того, что в «Лаванде» к одиннадцати утра не оставалось ни одного свободного кресла. Эмми стояла за стойкой, перебирала записи на завтра и краем глаза следила, как Ася вытягивает клиентке прядь через фольгу. Кондиционер гудел на пределе, пахло краской и озоном. Телефон завибрировал. Эмми глянула на экран и смахнула сообщение не читая. Потом ещё одно. Потом третье.

— Опять он? — спросила Ася, не оборачиваясь.

— Угадала.

— Вычеркни его из жизни.

— Не могу. Я должна ему.

Эмми развернула кресло к зеркалу и улыбнулась женщине с фольгой на голове — ровно настолько, насколько требовалось, чтобы та не заметила, как у хозяйки салона поджаты губы. Она сама не понимала, чего в ней больше: злости на Филиппа или усталости от собственной злости.

Три месяца назад она должна была выйти замуж. Три месяца назад, за неделю до свадьбы, Филипп Волков — хозяин клуба «Восход», лучший друг её жениха и человек, которого она знала с детства, — сказал Павлу что-то такое, после чего Павел собрал вещи и уехал, оставив на столе кольцо и записку: «Прости. Так будет честнее». Что именно сказал Филипп, Эмми так и не выяснила. Павел сменил номер. Филипп молчал, как камень. А через месяц после отъезда Павла в городе заговорили, что «Восход» теперь принадлежит одному Филиппу — выкупил долю у бывшего друга. Эмми считала это предательством, приправленным наживой. Она отомстила ему так, как умеют мстить в маленьком городе: тихо и в самое сердце бизнеса. Увела у «Восхода» свадебный банкет на тридцать персон — невеста оказалась её постоянной клиенткой. Переманила диджея, который вёл у него пятничные вечера. Шепнула налоговой в нужное ухо — и в клубе неделю стоял с проверкой. Ничего серьёзного, царапины. Но Филипп знал, чьих это рук дело, и каждый раз, когда они сталкивались — на заправке, в супермаркете, у дверей городской администрации, — смотрел на неё так, будто между ними ничего и не было.

А между ними, по правде говоря, ничего и не было. И это бесило её сильнее всего. В дверь звякнул колокольчик. Вошла Рита, вечная Рита с пакетом кофе и новостями.

— Твой ненаглядный вчера закрыл клуб в час ночи, — сказала она с порога, ставя пакет на стойку. — Посреди пятницы. Представляешь?

— Мне плевать, во сколько он закрывает.

— Ну да. Поэтому ты вчера стояла у окна до половины второго.

Эмми сжала ручку, которой делала пометки. Ася фыркнула.

— Это было в прошлой жизни, — отрезала Эмми.

Она прошла в подсобку, налила себе воды, выпила залпом. Через маленькое окошко под потолком было видно кусок крыши соседнего дома и край вывески «Восхода» — три буквы светились даже днём, выцветшие на солнце, как и всё в этом городе. Она ненавидела эту вывеску. Она ненавидела человека, который за ней стоял. И при этом не могла вспомнить ни одного утра, чтобы первая мысль не была о нём. На следующий день он пришёл сам. Они молчали, и молчание это было не пустым, а натянутым, как струна. Снизу доносился гул вечеринки, в стекле отражались два силуэта — её, с бокалом в руках, и его, откинувшегося на спинку

дивана. Эмми пила маленькими глотками и чувствовала, как джин разливается по жилам тёплой медленной волной.

— Почему именно ты? — спросила она, не глядя на него. — Из всех людей в этом городе. Почему я должна была возненавидеть тебя?

— Потому что я был рядом. — Он пожал плечами. — И потому что тебе было удобнее злиться на живого, чем на того, кто сбежал. Я не в обиде.

— А должен был бы. Я тебе клуб чуть не развалила.

— Чуть. — Он усмехнулся. — Но ты не знаешь главного: из-за твоей проверки я наконец навёл порядок в бухгалтерии. Так что спасибо. Эмми фыркнула, сама не ожидая от себя этого смеха.

— Ты невозможный.

— Знаю. Поэтому ты меня и ненавидела.

— Я не ненавидела, — вырвалось у неё раньше, чем она успела подумать. — То есть ненавидела. Но это было. . проще, чем то, что я чувствую сейчас.

Филипп повернулся к ней всем корпусом. Диван под ними скрипнул.

— А что ты чувствуешь сейчас?

Она смотрела в бокал, на то, как неон дрожит в джине розовыми бликами.

— Я не знаю, как это называется. Но мне перестало быть всё равно, где ты и что с тобой.

— Это уже кое-что.

— Это беда, Филипп. — Она подняла на него глаза. — Я три месяца строила себе жизнь, в которой тебя нет. А ты взял и сказал, что всё это время. . что я ошибалась. И теперь у меня нет ни злости, ни плана, ни той жизни. Есть только ты, сидящий в полуметре, и я не знаю, что с тобой делать. Он долго смотрел на неё. Потом медленно, так, чтобы она успела отодвинуться, поднял руку и убрал прядь волос с её виска. Пальцы его задержались у скулы, едва касаясь кожи.

— А что ты хочешь сделать? — спросил он тихо.

Эмми не отодвинулась. Сердце билось где-то у горла, громко, как бас внизу.

— Не знаю, — прошептала она. — Может быть, поцеловать тебя.

Может быть, уйти.

— А если и то, и другое?

— Нельзя и то, и другое.

— Можно. Поцелуй меня. А потом реши, уходить или нет.

Она смотрела в его глаза — тёмные, спокойные, без той усмешки, с которой он пришёл к ней в салон. Он не двигался, ждал. Не давил. И оттого, что он не давил, хотелось не уходить. Эмми подалась вперёд, поставила бокал на столик, не глядя, — стекло звякнуло о столешницу. Потом повернулась к нему, взяла его за ворот рубашки, как будто хотела удержать, и поцеловала. Губы у него оказались тёплыми, с лёгким привкусом кофе и чего-то ещё — его собственного, того, что она чувствовала, когда стригла его утром. Он ответил не сразу — сначала замер, будто давая ей право передумать, а потом притянул её к себе, одну ладонь положил ей на затылок, другую — на поясницу. Поцелуй вышел не злой и не торопливый, а такой, будто они оба долго шли к нему через три месяца ненависти и наконец дошли.

Она открыла глаза. В полумраке его лицо было совсем близко — она видела каждую ресницу, лёгкую тень щетины, припухшие от поцелуя губы.

— Я никуда не пойду, — сказала она.

— Уверена?

— Нет. Но я устала быть уверенной. Всю жизнь была уверена — и посмотри, куда это меня привело.

Он улыбнулся — не победно, а мягко, уголком рта, и убрал ладонь с её затылка, чтобы заправить ей за ухо выбившуюся прядь.

— Тогда побудь здесь. Только ты и я. Без города, без Павла, без твоей мести и моих трёх лет.

— А они никуда не денутся, — сказала она.

— Денутся. Завтра. А сегодня есть только эта ночь.

Когда они оторвались друг от друга, Эмми не открывала глаза. Лоб её упирался в его лоб. Дыхание сбилось.

— Ну вот, — сказал он севшим голосом. — Теперь решай.

Он встал, протянул ей руку. Эмми вложила ладонь в его — тёплую, крепкую — и поднялась. Они стояли у окна, и розовый неон ложился на них обоих, и внизу шумела вечеринка, которой до них не было никакого дела.

— Куда? — спросила она.

— У меня есть кабинет. Там тише.

Он повёл её вниз по лестнице, но не в зал, а в боковой коридор, мимо служебной двери. Ключ повернулся в замке, дверь закрылась, отрезав музыку, как ножом. В кабинете было прохладно и полутемно: письменный стол у стены, кожаный диван, жалюзи, сквозь которые на пол падали полосы неоновых светов. Пахло бумагой, его одеколоном и немного кожей. Филипп не включал верхний свет — только настольную лампу, которая залила комнату тёплым жёлтым. Эмми стояла посреди кабинета и смотрела, как он подходит к ней.

— Ты часто приводишь сюда девушек? — спросила она, чтобы хоть чем-то заполнить тишину.

— Никогда.

— Врёшь.

— Вру, — легко согласился он. — Одну приводил. Она меня тогда постригла и пообещала сжечь мой клуб.

Эмми рассмеялась — негромко, почти с облегчением. Он подошёл вплотную, взял её лицо в ладони, большими пальцами провёл по скулам.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Это от джина.

— От джина так не дрожат.

Он наклонился и поцеловал её снова — медленнее, глубже, и на этот раз в поцелуе не было вопроса. Его руки спустились ей на талию, притянули ближе. Эмми обвила его шею, чувствуя под пальцами короткие волосы на затылке — ту самую стрижку, которую она делала ему, злясь на каждое касание. Теперь она не злилась. Эмми вышла из подсобки с коробкой лака для ногтей и остановилась посреди зала. У стойки стоял Филипп Волков — невысокий, в тёмной рубашке с закатанными рукавами, с сумкой через плечо. Он рассматривал витрину с баночками, будто выбирал оттенок, и улыбался Асе так, словно та была его лучшей подругой.

— Закрыто, — сказала Эмми. Коробка в руках качнулась. — По записи.

— У меня есть запись, — он обернулся. — На четырнадцать ноль-ноль. Стрижка.

— У тебя нет записи.

— Есть. Я вчера писал тебе три раза.

Эмми поставила коробку на стойку. Сообщения, которые она смахнула, не читая.

— Я не стригу мужчин.

— Ты стрижёшь. Павла стригла.

Имя повисло между ними, как гудок сорванного провода. Ася замерла с расчёской в руке, клиентка под фольгой делала вид, что её здесь нет.

— Выйди, — сказала Эмми ровно.

— Стриги, и выйду.

— Я тебя постригу так, что тебя перестанут узнавать. Мечта любой женщины. Филипп коротко рассмеялся. Не обидно, а так, будто ждал именно этого.

— Идёт. Машинка, насадка шесть, виски короче. Дальше доверюсь.

Эмми сжала челюсти. Ася поймала её взгляд и едва заметно покачала головой: не связывайся. Но отступать было некуда — в салоне сидели люди, а он стоял у стойки с этой своей улыбкой, и весь город завтра бы пересказывал, как хозяйка «Лаванды» выгнала Волкова за дверь. Она ненавидела его за то, что он всегда умел поставить её в положение, из которого не выйдешь красиво.

— Сядь, — бросила она.

Он сел в кресло, как к себе домой. Она накинула ему на плечи пелерину, затянула у шеи туже, чем надо, и молча развернула к зеркалу. В отражении их лица оказались рядом: её — бледное от злости, его — спокойное, с лёгкой тенью щетины.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она тихо, чтобы слышал только он.

— Мне нужно постричься.

— Зачем ты вообще сюда ходишь? В городе три барбершопа.

— Мне нравится, как ты злишься.

Он сказал это без улыбки, глядя ей в глаза через зеркало. У Эмми на секунду перехватило дыхание — не от слов, а от того, как он на неё смотрел: прямо, без насмешки, словно пришёл не за стрижкой. Она включила машинку. Жужжание заполнило зал, избавило от необходимости отвечать. Работала она быстро, жёстко, не глядя на него лишний раз. Прошлаась насадкой по вискам, сняла длину сверху. Волосы падали на пелерину тёмными клочками. Пахло от него кофе и немного — ночным клубом, тем особым запахом, который въедается в одежду: дым, спирт, сладкий пар от коктейлей. Эмми ловила этот запах каждый раз, когда наклонялась ближе, и злилась, что замечает его.

— Ты выкупил долю Павла, — сказала она, не отрываясь от работы.

— Через месяц после того, как он уехал. Красиво вышло. Друг исчез — бизнес твой.

— Павел сам предложил. Я заплатил больше, чем она стоила.

— Конечно. И про свадьбу ему тоже ты рассказал.

Филипп помолчал. Машинка гудела. В зеркале было видно, как напряглась его челюсть.

— Про свадьбу я ему рассказал правду, — сказал он наконец. — О которой ты не знаешь.

Эмми остановила машинку. В зале стало слишком тихо.

— Какую правду, Филипп?

Он поднял руку, отвёл её ладонь с машинкой в сторону, развернулся в кресле — пелерина съехала с плеча.

— Не здесь. Приходи в «Восход» сегодня. Скажу всё, что ты три месяца хотела услышать. Идёт?

Сердце стукнуло где-то в горле. Эмми смотрела на него сверху вниз — на рассыпанные по плечам волосы, на тёмные глаза, в которых горел отражённый свет лампы, — и ненавидела то, что происходит с её дыханием.

— Идёт, — сказала она. — Но если ты соврёшь хоть в одном слове, я сожгу твой клуб. И тебя вместе с ним.

Он усмехнулся уголком рта.

— Договорились.

Она достригла его в тишине, сняла пелерину, стряхнула волосы на пол. Он встал, достал из кармана деньги, положил на стойку ровно по прејскуранту и ушёл, не оглянувшись. Колокольчик звякнул и затих.

Ася подошла сзади, когда дверь закрылась.

— Ты же не пойдёшь.

Эмми смотрела на дверь, на которой ещё покачивался колокольчик.

— Пойду.

— Эмми. .

— Я должна была услышать это три месяца назад. Если он знает что-то про Павла — я хочу знать. Она наклонилась, собрала с пола тёмные пряди, сжала их в кулаке. Волосы были ещё тёплые от его головы. Она разжала пальцы, и они упали в ведро.

ГЛАВА 2

Вечером, закрывая салон, она долго стояла перед зеркалом в подсобке и смотрела на себя. Поправила волосы. Сняла фартук, оставшись в лёгком платье, в котором ходила весь день. Подумала, не переодеться ли, — и разозлилась на себя за эту мысль. Она не шла к нему. Она шла за правдой. «Восход» она не любила даже снаружи. Днём вывеска выглядела выцветшей, а к ночи оживала — неон заливал тротуар холодным розовым, и в этом свете лица у входа казались чужими. Эмми шла через пустую площадь, сжимая в кулаке ремешок сумки, и говорила себе, что пришла только за правдой. Правда — это то, что можно положить на стол, выслушать и уйти. Охранник у входа узнал её и молча посторонился, кивнув внутрь. Значит, её ждали. Внутри было полутемно и уже накурено, хотя до открытия оставалось полчаса. Бармен протирает стаканы, на сцене звукорежиссёр лениво перебирал провода. Где-то в глубине гудела вентиляция, и этот звук напоминал Эмми о том, как она в последний раз была здесь — на дне рождения Павла, два года назад. Тогда всё было иначе. Тогда Павел держал её за руку, а Филипп стоял в стороне с бокалом и смотрел на неё так, что она тогда ещё подумала: надо же, как смотрит. Не на неё, решила она потом. Просто так.

— Пришла.

Филипп вышел из боковой двери кабинета, вытирая руки полотенцем. Рубашка без одной пуговицы у ворота, волосы после её же стрижки стояли влажным ёжиком. Он кивнул бармену, и тот без слов исчез за служебной дверью. Они остались вдвоём.

— Кофе? — спросил Филипп.

— Я не пью сюда пришла.

— А зря. У нас хороший кофе.

Он всё равно налил ей чашку из кофемашины за стойкой, пододвинул по стойке к ней. Эмми не притронулась.

— Говори, — сказала она. — Что ты рассказал Павлу.

Филипп обошёл стойку, сел на высокий табурет напротив неё, поставил локти на колени. Смотрел не на неё — на её руки, сжимавшие ремешок сумки.

— Сначала скажи: ты правда хочешь это знать?

— Ты три месяца держишь меня за дуру. Хватит.

— Я не держу тебя за дуру. Я держал тебя подальше от этого.

— От чего?

Он помолчал. Потом встал, прошёл к двери, запер её изнутри — щёлкнул замок, негромко, как выключатель. Эмми напряглась.

— Затем, что здесь не должны слышать, — сказал он, вернувшись. — Павел уехал не из-за тебя, Эмми. И не из-за того, что я ему что-то наговорил. Он уехал, потому что я показал ему фотографии. Его фотографии. С девушкой, которую ты знаешь. Катя, администратор из «Лаванды». Помнишь, ты увольняла её в апреле за то, что она украла из кассы. Эмми почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Врёшь.

— Фото были у меня на телефоне. Не я их делал — мне скинули. Я показал Павлу и спросил, что он собирается с этим делать. Он сказал: ничего, это один раз, ошибка. Тогда я сказал, что расскажу тебе всё сам. И он уехал той же ночью. Оставил тебе кольцо и красивое «так будет честнее», чтобы ты ненавидела меня, а не его. Эмми стояла не шевелясь. Вентиляция гудела. Розовый неон с улицы ложился на пол косой полосой, дрожал на её туфлях.

— Зачем тебе было вообще влезать? — голос у неё сел.

— Потому что ты не заслужила узнать это в день свадьбы. Или после.

— А заслужила что? Ненавидеть тебя три месяца?

— Это проще, чем ненавидеть Павла, — сказал он тихо. — И ты это знаешь.

Эмми смотрела на него, и в груди медленно, как лёд по реке, расходилась злость — но уже не на него. На Павла, который оставил её собирать осколки чужого вранья. На Катю, которая улыбалась ей каждое утро. На саму себя, потому что где-то под рёбрами она всё это время, оказывается, знала. Знала, что Павел отводил глаза, когда речь заходила о Кате. Знала, что записка была слишком гладкой, слишком удобной.

— Почему ты не рассказал мне сразу? — спросила она.

— Потому что ты бы не поверила. Ты бы осталась с ним. А он бы сделал это снова.

— Это не тебе решать.

— Знаю. — Он поднял на неё глаза. — Поэтому я и молчал. Потому что любое моё слово в ту неделю было бы против меня. Я друг жениха, а не твой. Я влюблён в тебя. Всё, что я бы сказал, выглядело бы как подстава. Вентиляция смолкла на секунду, и в тишине последняя фраза повисла, как приговор, который он выносил сам себе. Эмми сделала шаг назад. Уперлась поясницей в барную стойку.

— Ты влюблён в меня, — повторила она. Не вопрос.

— Давно. Ты не замечала, и это было удобно всем, кроме меня.

— Поэтому ты разрушил мою свадьбу.

— Я не разрушал. Я снял тебя с дороги, по которой ты бы уехала не в ту жизнь.

Эмми рассмеялась — коротко, зло, без веселья.

— Красиво говоришь. Как всегда. Только от этого не легче, Филипп.

— А я и не обещал, что будет легко.

Он встал с табурета, подошёл к ней — не вплотную, но так, что она почувствовала исходящее от него тепло и запах кофе. Неон дрожал на его скулах.

— Я устал ждать, Эмми. Три года смотрю, как ты выбираешь не меня.

Сначала не замечала, потом ненавидела — но хоть что-то. Хоть какое-то чувство. И сегодня я решил: либо ты узнаёшь правду и решишь сама, либо я закрываю эту историю.

— Закрываешь как? — голос её дрогнул.

— Отпускаю. Тебя, и всё, что с тобой связано.

Он сказал это спокойно, и от этого спокойствия Эмми стало страшнее, чем от любого крика. Она смотрела в его лицо и впервые за три месяца не знала, что ответить. Вся её месть, все её планы — всё рассыпалось, как битое стекло, под ноги. Она взяла со стойки чашку с остывшим кофе, сделала глоток. Горько.

— Мне нужно время, — сказала она.

— У тебя его сколько угодно.

— Нет. Не сколько угодно. Ты только что сказал, что отпускаешь.

— Сказал. — Он не отвёл глаз. — Но я не обещал, что перестану на тебя смотреть.

Эмми поставила чашку. Сумка соскользнула с плеча, она поймала её у самого пола, выпрямилась. Ей хотелось ударить его, или уйти, или остаться — и все три желания разом были такими сильными, что она замерла между ними, как между тремя стенами.

— Открой дверь, — сказала она.

Филипп прошёл к двери, отпер. Дверь распахнулась, впуслав в клуб прохладный ночной воздух и дальний звук чьей-то магнитолы.

— Эмми, — окликнул он, когда она переступила порог.

Она обернулась.

— Павел не стоил тебя. Ни одного твоего утра.

Она ничего не ответила. Вышла на тротуар, и неон лёг ей на спину, и она пошла через площадь, не оглядываясь, хотя спиной чувствовала, что он стоит в дверях и смотрит. Она не спала до утра. Правда оказалась не такой, какой она её ждала. Эмми лежала на спине, смотрела,

как по потолку ползёт розовая полоса от вывески напротив, и прокручивала в голове одно и то же: Павел и Катя. Катя и Павел. Её собственная свадьба, которая оказалась декорацией, и человек, который снял эту декорацию, чтобы она не въехала в неё лбом. Обиднее всего было не то, что её предали. Обиднее всего было, что за три месяца она ни разу не усомнилась в той записке. Утром она открыла салон как обычно. Ася встретила её у двери со стаканчиком кофе и вопросом во взгляде.

— Расскажешь?

— Позже, — сказала Эмми.

— Ты хоть спала?

— Нет.

— Так. Ясно. — Ася сунула ей в руку ключи и повела к зеркалу. — Садись. Ты на себя не похожа, а у нас в одиннадцать невеста с мамой.

Эмми села в кресло и позволила Асе собрать ей волосы в хвост, подкрасить тени, замазать тёмные круги под глазами. Из зеркала на неё смотрела женщина, которая три месяца жила на одной злости, а теперь злости не стало — и вместо неё образовалась пустота, в которой эхом гудели слова Филиппа: «Павел не стоил тебя». Она запретила себе о нём думать. Получилось плохо. Дни потекли ровно, как всегда в июне: клиенты, записи, жара, запах лип в открытую форточку. Филипп не писал и не приходил. Эмми ловила себя на том, что смотрит на дверь каждый раз, когда звенит колокольчик, и злилась на себя за это. Он сказал, что отпускает, — и отпустил, как обещал. И от этого было хуже, чем от его сообщений.

В пятницу вечером Рита ворвалась в салон перед закрытием, раскрасневшаяся, с мокрыми от духоты висками.

— Всё, я решила. Едем в «Восход». Сегодня у них вечеринка, пригласили всех, кто хоть раз стригся в «Лаванде». Поговаривают, твой. . этот, в общем, закрыл клуб для своих. Только по приглашениям.

— Мне не приходило приглашение, — сказала Эмми, не оборачиваясь от раковины.

— Мне пришлось. На двоих. — Рита помахала телефоном. — Поехали, ну. Сколько можно хоронить себя в этих стенах. Выйдешь, выпьешь, помотришь на людей.

— Не хочу.

— Врёшь. Ты целыми днями смотришь на его вывеску. Эмми повернулась, вытерла руки. Ася стояла у двери и молча кивала, как сообщница.

— Только на час, — сдалась Эмми. — И мы уходим, как только я скажу.

— Замётано! — Рита уже тащила её в подсобку переодеваться.

Через час они стояли у входа в «Восход». Неон горел ярче обычного, на тротуаре толпился народ, охранник сверял имена по списку на планшете. Рита назвала свою фамилию, их пропустили. Внутри было темно, тесно и громко: бил бас, по стенам полз дым, бармены работали в четыре руки. Эмми вдохнула этот воздух и на секунду вернулась на два года назад — туда, где всё ещё было цело. Она взяла у бармена что-то с джином и лаймом, отошла к стене. Рита тут же растворилась в толпе, нашла знакомых. Эмми смотрела на танцпол и думала о том, что он наверняка где-то здесь — наблюдает за залом с балкона или из-за стойки, как всегда.

— Скучаешь?

Парень возник рядом как из-под пола: высокий, в светлой рубашке, с улыбкой, которую Эмми не могла назвать приятной. От него пахло одеколоном, слишком сладким для этого зала.

— Нет. Просто стою, — сказала она и отвернулась.

Он не ушёл. Подвинулся ближе, поставил руку на стену рядом с её головой, загородив выход.

— А я вот не скучаю. Но с тобой было бы веселее. Ты одна?

— Мне это неинтересно.

— А что тебе интересно? — Он наклонился, и Эмми почувствовала его дыхание у виска, сладкое от коктейля. — Я умею быть убедительным.

Она отодвинулась, но стена была за спиной, а он стоял слишком близко. В зале орала музыка, и никто вокруг не смотрел в их сторону.

— Отойди, — сказала она, повысив голос.

— Да ладно тебе, я же по-хорошему.

Он взял её за запястье — не больно, но крепко, так, что рука не вырывалась. Эмми рванула в сторону, локтем врезалась в стену. Страх ещё не было, только холодная, стремительная ясность: сейчас она ударит его коленом, и плевать, чей это клуб.

— Убери руку.

Голос Филиппа прозвучал сзади, негромко, но парень услышал даже сквозь бас. Он обернулся, и улыбка на его лице дрогнула.

— А тебе что?

— Я сказал: убери. Руку. От неё.

Филипп стоял в шаге, руки в карманах, но было в его позе что-то такое, от чего парень на секунду замешкался. Он был ниже ростом, но смотрел так, что становилось ясно: если сейчас не отпустит, выйдет отсюда не сам.

Парень разжал пальцы, поднял ладони вверх.

— Да я просто знакомился.

— Она тебе сказала отойти. Значит, знакомство окончено.

— Ладно- ладно, успокойся. — Он отступил в толпу и через секунду исчез.

Филипп повернулся к Эмми. Лицо у него было спокойное, только желваки ходили на скулах.

— Руку покажи.

— Целая.

— Покажи.

Она протянула запястье. Он взял его осторожно, двумя пальцами, повернул к свету — на коже покраснели следы чужих пальцев. Неон полз по её руке, дрожал.

— Больно?

— Нет.

Он не отпускал. Его пальцы были тёплыми, и это тепло шло вверх, к локтю, к плечу, куда-то под рёбра. Эмми подняла глаза и встретила его взгляд.

— Ты всегда появляешься, когда мне плохо, — сказала она тихо.

— Ты всегда приходишь туда, где я есть.

Он отпустил её руку. Но не отошёл.

— Пойдём, — сказал он. — Отсюда шумно. Поговорим наверху.

— Я с Ритой.

— Рита уже пьёт шампанское с администратором и вряд ли вспомнит твоё имя до полуночи. — Он кивнул в сторону бара, где Рита, и правда, хохотала с кем-то, запрокинув голову.

Эмми колебалась секунду. Потом кивнула. Он повёл её через зал, держась на полшага впереди, раздвигая толпу. На лестнице стало тише. Наверху, на балконе, никого не было — только низкий диван у окна и столик с двумя бокалами. Окно выходило на площадь, и вывеска бросала на стекло розовые отсветы. Филипп сел на диван, откинулся, посмотрел на неё снизу вверх.

— Зачем ты пришла?

— Рита позвала.

— Это я велел отправить ей приглашение на двоих.

Эмми замерла на ступеньке.

— То есть ты меня выманил.

— Нет. Я дал тебе повод прийти, если захочешь. — Он помолчал. — Ты захотела.

Она подошла, села на другой край дивана, поджав ноги. Бас снизу доходил сюда глухим пульсом, как сердце за стеной.

— Я не спала всю неделю, — сказала она, глядя в окно. — Из-за того, что ты мне рассказал.

— Это пройдёт.

— Что пройдёт?

— Правда болит только пока ты с ней одна. Потом становится легче.

Эмми повернулась к нему. В полумраке его лицо казалось вырезанным из тени: острый подбородок, тёмные глаза, стрижка, которую она сделала ему своими руками.

— А ты? — спросила она. — Тебе легче?

— Мне не было тяжело. Мне было всё равно на Павла. Мне было не всё равно на тебя.

— Ты сказал, что отпускаешь.

— Я и отпустил. — Он посмотрел на неё долго. — Но это не значит, что я перестал быть рядом, когда ты зовёшь.

— Я не звала.

— А ты звала, Эмми. Ты три месяца звала меня — ненавистью, мстью, каждой царапиной, которую мне оставляла. Ты так и не оставила меня в покое. И знаешь что? Я не хочу, чтобы оставляла. Снизу ударил бас, стена под спиной завибрировала. Эмми смотрела на него и чувствовала, как что-то в груди сдвигается с места — медленно, как тяжёлая дверь, которую три месяца подпирали злостью.

— Я не знаю, что с этим делать, — сказала она честно.

— И не надо знать. — Он наклонился, взял со столика бокал, протянул ей. — Просто побудь здесь. Пока.

Она взяла бокал. Их пальцы встретились на холодном стекле.

— Пока, — повторила она. Они молчали, и молчание это было не пустым, а натянутым, как струна. Снизу доносился гул вечеринки, в стекле отражались два силуэта — её, с бокалом в руках, и его, откинувшегося на спинку дивана. Эмми пила маленькими глотками и чувствовала, как джин разливается по жилам тёплой медленной волной.

— Почему именно ты? — спросила она, не глядя на него. — Из всех людей в этом городе. Почему я должна была возненавидеть тебя?

— Потому что я был рядом. — Он пожал плечами. — И потому что тебе было удобнее злиться на живого, чем на того, кто сбежал. Я не в обиде.

— А должен был бы. Я тебе клуб чуть не развалила.

— Чуть. — Он усмехнулся. — Но ты не знаешь главного: из-за твоей проверки я наконец навёл порядок в бухгалтерии. Так что спасибо.

Эмми фыркнула, сама не ожидая от себя этого смеха.

— Ты невозможный.

— Знаю. Поэтому ты меня и ненавидела.

— Я не ненавидела, — вырвалось у неё раньше, чем она успела подумать. — То есть ненавидела. Но это было. . проще, чем то, что я чувствую сейчас.

Филипп повернулся к ней всем корпусом. Диван под ними скрипнул.

— А что ты чувствуешь сейчас?

Она смотрела в бокал, на то, как неон дрожит в джине розовыми бликами.

— Я не знаю, как это называется. Но мне перестало быть всё равно, где ты и что с тобой.

— Это уже кое-что.

— Это беда, Филипп. — Она подняла на него глаза. — Я три месяца строила себе жизнь, в которой тебя нет. А ты взял и сказал, что всё это время. . что я ошибалась. И теперь у меня

нет ни злости, ни плана, ни той жизни. Есть только ты, сидящий в полуметре, и я не знаю, что с тобой делать.

ГЛАВА 3

Он долго смотрел на неё. Потом медленно, так, чтобы она успела отодвинуться, поднял руку и убрал прядь волос с её виска. Пальцы его задержались у скулы, едва касаясь кожи.

— А что ты хочешь сделать? — спросил он тихо.

Эмми не отодвинулась. Сердце билось где-то у горла, громко, как бас внизу.

— Не знаю, — прошептала она. — Может быть, поцеловать тебя.

Может быть, уйти.

— А если и то, и другое?

— Нельзя и то, и другое.

— Можно. Поцелуй меня. А потом реши, уходить или нет.

Она смотрела в его глаза — тёмные, спокойные, без той усмешки, с которой он пришёл к ней в салон. Он не двигался, ждал. Не давил. И оттого, что он не давил, хотелось не уходить. Эмми подалась вперёд, поставила бокал на столик, не глядя, — стекло звякнуло о столешницу. Потом повернулась к нему, взяла его за ворот рубашки, как будто хотела удержать, и поцеловала. Губы у него оказались тёплыми, с лёгким привкусом кофе и чего-то ещё — его собственного, того, что она чувствовала, когда стригла его утром. Он ответил не сразу — сначала замер, будто давая ей право передумать, а потом притянул её к себе, одну ладонь положил ей на затылок, другую — на поясницу. Поцелуй вышел не злой и не торопливый, а такой, будто они оба долго шли к нему через три месяца ненависти и наконец дошли. Когда они оторвались друг от друга, Эмми не открывала глаза. Лоб её упирался в его лоб. Дыхание сбилось.

— Ну вот, — сказал он севшим голосом. — Теперь решай.

Она открыла глаза. В полумраке его лицо было совсем близко — она видела каждую ресницу, лёгкую тень щетины, припухшие от поцелуя губы.

— Я никуда не пойду, — сказала она.

— Уверена?

— Нет. Но я устала быть уверенной. Всю жизнь была уверена — и посмотри, куда это меня привело.

Он улыбнулся — не победно, а мягко, уголком рта, и убрал ладонь с её затылка, чтобы заправить ей за ухо выбившуюся прядь.

— Тогда побудь здесь. Только ты и я. Без города, без Павла, без твоей мести и моих трёх лет.

— А они никуда не денутся, — сказала она.

— Денутся. Завтра. А сегодня есть только эта ночь.

Он встал, протянул ей руку. Эмми вложила ладонь в его — тёплую, крепкую — и поднялась. Они стояли у окна, и розовый неон ложился на них обоих, и внизу шумела вечеринка, которой до них не было никакого дела.

— Куда? — спросила она.

— У меня есть кабинет. Там тише.

Он повёл её вниз по лестнице, но не в зал, а в боковой коридор, мимо служебной двери. Ключ повернулся в замке, дверь закрылась, отрезав музыку, как ножом. В кабинете было прохладно и полутемно: письменный стол у стены, кожаный диван, жалюзи, сквозь которые на пол падали полосы неоновых светов. Пахло бумагой, его одеколоном и немного кожей. Филипп не включал верхний свет — только настольную лампу, которая залила комнату тёплым жёлтым. Эмми стояла посреди кабинета и смотрела, как он подходит к ней.

— Ты часто приводишь сюда девушек? — спросила она, чтобы хоть чем-то заполнить тишину.

— Никогда.

— Врёшь.

— Вру, — легко согласился он. — Одну приводил. Она меня тогда постригла и пообещала сжечь мой клуб.

Эмми рассмеялась — негромко, почти с облегчением. Он подошёл вплотную, взял её лицо в ладони, большими пальцами провёл по скулам.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Это от джина.

— От джина так не дрожат.

Он наклонился и поцеловал её снова — медленнее, глубже, и на этот раз в поцелуе не было вопроса. Его руки спустились ей на талию, притянули ближе. Эмми обвила его шею, чувствуя под пальцами короткие волосы на затылке — ту самую стрижку, которую она делала ему, злясь на каждое касание. Теперь она не злилась. Его ладони легли ей на спину, нащупали застёжку платья под лопатками и остановились.

— Можно? — спросил он, отстранившись ровно настолько, чтобы видеть её лицо.

— Да.

Молния пошла вниз с тихим, сухим звуком. Эмми почувствовала, как прохладный воздух из-под жалюзи коснулся разгорячённой кожи. Платье сползло с плеч, задержалось на локтях, потом упало к ногам, и она осталась в тонком белье, в жёлтом свете лампы, под его взглядом. Филипп не торопился. Он смотрел на неё так, как смотрел тогда, два года назад, на дне рождения Павла, — но теперь Эмми не отводила глаз и не убеждала себя, что ей показалось.

— Ты красивая, — сказал он негромко. — Я всегда боялся, что ты это знаешь, и всё равно каждый раз хотел тебе сказать.

— Скажи ещё.

— Ты красивая. И ты злилась на меня так, что я просыпался от этой злости по ночам.

Эмми шагнула к нему, расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки, потом вторую, третью — не отрывая от него взгляда. Он дал ей это сделать. Рубашка распахнулась, открыв грудь — узкую, с тёмными сосками, с тенью ключиц, по которым Эмми провела кончиками пальцев, будто снимая мерку.

— А теперь? — спросила она.

— Теперь я боюсь, что проснусь.

Она стянула рубашку с его плеч, провела ладонями по его груди вниз, к ремню. Он перехватил её руки, поднёс к губам, поцеловал костяшки — по очереди, не спеша.

— Не здесь, — сказал он. — На диван.

Он отвёл её за руку, усадил, сам опустился перед ней на колени. Снял с неё босоножки, одну за другой, поставил их у дивана. Потом положил ладони ей на колени и развёл их, мягко, но настойчиво, и поцеловал внутреннюю сторону бедра — выше колена, где кожа была тонкой и горячее. Эмми втянула воздух. Пальцы её вцепились в край дивана.

— Филипп. .

— Что?

— Я три месяца хотела тебя ненавидеть. А получается, хотела вот этого.

Он поднял голову, посмотрел на неё снизу. В жёлтом свете глаза у него были почти чёрные.

— Я тебя никуда не тороплю, — сказал он. — Скажешь — остановлюсь.

— Не смей останавливаться.

Он улыбнулся уголком рта и снова наклонился к ней. Поцеловал выше, ещё выше, стянул с неё трусики — она приподнялась, помогая. Прохлада тронула влажную, разгорячённую кожу, и Эмми зажмурилась. Он целовал её долго, размеренно, прижимая её бедра к себе, пока она не выгнулась на диване, запустив пальцы ему в волосы — в ту самую короткую стрижку. Дыхание её стало рваным, из горла вырывались тихие, почти беззвучные стоны. — Иди сюда,

— выдохнула она, потянув его вверх. Он поднялся, навис над ней, расстегнул ремень, освободился от брюк. Эмми подалась навстречу, обняла его за шею, притянула к себе. Кожа к коже — горячо, тесно, и где-то под лопатками у неё всё дрожало, как натянутый провод. Он вошёл в неё медленно, и она ахнула ему в губы, вцепилась ногтями в его плечи. Он замер на секунду, давая привыкнуть, глядя ей в глаза.

— Тише, — прошептал он. — Тише. Я держу тебя.

— Я не хочу тише.

Она сама подалась ему навстречу, и он начал двигаться — сперва медленно, глубоко, потом быстрее, ловя её ритм. Диван скрипел под ними, лампа бросала на стену два сплетённых силуэта. Эмми запрокинула голову, губы её раскрылись, дыхание сбивалось в короткие всхлипы. Он целовал её шею, ключицы, грудь — там, где кожа была влажной от пота, — и что-то шептал, но слов она уже не разбирала, только его голос, низкий, с хрипотцой. Всё, что было между ними, — ненависть, месть, три месяца молчания, чужая свадьба и чужая ложь — сжалось в одну точку и рассыпалось. Остался только он, внутри неё, и её пальцы на его затылке, и жар, поднимающийся снизу, к горлу, к вискам. Она вскрикнула, когда волна накрыла её, — коротко, сдавленно, уткнувшись лицом ему в плечо. Тело её выгнулось дугой, ноги сжались вокруг его бёдер. Он почувствовал это, ускорился, и через несколько толчков замер сам, низко застонав ей в волосы. Потом была тишина — только дыхание двоих и далёкий, глухой пульс баса за закрытой дверью. Филипп не отстранялся. Он перекатился на бок, увлекая её за собой, чтобы не давить. Диван был узким, и Эмми пришлось лечь вплотную, положив голову ему на грудь. Его сердце колотилось под её ухом — быстро, сильно.

— Ты как? — спросил он, глядя её по спине.

— Не знаю, — честно ответила она. — Как будто заново родилась и сразу же разбилась.

— Это хорошо или плохо?

— Это просто правда.

Он поцеловал её в макушку. В кабинете пахло ими — разгорячёнными телами, его одеколоном, кожей дивана. Неон с улицы просачивался сквозь жалюзи тонкими розовыми полосами, ложился на её бедро, на его руку, обнимавшую её. Эмми лежала и слушала, как за окном затихает город. Она знала, что завтра всё вернётся: Ася с вопросами, Рита с новостями, Павел, о котором придётся кому-то рассказать, и весь этот маленький город, где от них ничего не скроешь. Но сейчас, в эту минуту, на этом узком диване, ей было впервые за долгое время спокойно.

— Останься до утра, — сказал он тихо.

— А клуб?

— Клуб подождёт. Я закрою его сам, когда народ разойдётся.

— А если кто-то увидит, что я выхожу отсюда утром?

— Пусть видят. — Он погладил её по плечу. — Я устал прятаться, Эмми. И тебе больше не нужно.

Она подняла голову, посмотрела на него. В полумраке его лицо было спокойным, усталым и до странности родным.

— Останусь, — сказала она.

Он улыбнулся и снова притянул её к себе.

Проснулась она от света.

Неон за окном погас ещё затемно, а теперь сквозь жалюзи пробивалось уже не розовое, а бледное утреннее солнце. Оно ложилось на пол косыми полосами, на кожаный диван, на их переплетённые ноги. Эмми лежала на боку, уткнувшись лбом в плечо Филиппа, и несколько секунд не могла понять, где находится и почему ей так тепло. Потом вспомнила всё. Она осторожно подняла голову. Филипп спал, запрокинув лицо к потолку, одна рука лежала у неё на талии — во сне он так и не убрал её. Грудь его медленно поднималась и опускалась. Утренний

свет смягчил его лицо, сделал его моложе, беззащитнее, чем она привыкла видеть его днём, за стойкой клуба или у входа в салон. Эмми не стала его будить. Она лежала и смотрела, и в голове у неё было пусто и ясно одновременно, как в комнате, из которой вымели весь мусор. Она хотела этого человека. Она ненавидела его. Она хотела его снова. Все три правды существовали разом, и впервые за долгое время это не пугало её, а успокаивало. Филипп пошевелился, не открывая глаз, притянул её ближе.

— Ты смотришь на меня, — сказал он хрипло.

— Нет.

— Врёшь. Я чувствую.

Он открыл глаза, повернул голову. Сон ещё держался в его взгляде, но губы уже тронула та самая полуулыбка, от которой у Эмми под рёбрами становилось жарко.

— Доброе утро, — сказал он.

— Утро.

— Ты жалеешь?

Она помолчала, разглядывая его.

— Нет. А ты?

— Я жалею только о том, что не сделал этого раньше. Что три месяца смотрел, как ты меня ненавидишь, и терпел.

— Ты не выглядел человеком, который терпит.

— Я хорошо притворяюсь.

Эмми фыркнула и села. Простыни сбились, платье так и лежало на полу у дивана, бельё — на спинке. Дневной свет делал всё это слишком настоящим: кабинет, разбросанная одежда, два взрослых человека, которые всю ночь делали вид, что за стенами нет города.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Салон открывается в девять.

— Сейчас шесть. Успеешь.

— Ася придёт к восьми. И начнёт звонить, если я не подниму трубку.

Филипп сел, провёл ладонью по лицу, взъерошил волосы. На груди у него остались следы её ногтей — тонкие красные царапины. Эмми отвела взгляд, но он заметил.

— Не смущайся, — сказал он. — Мне нравится.

— Я не смущаюсь. Я просто не знаю, как теперь. . с этим жить.

— С чем?

— С тобой. С нами. Если это «мы».

Он встал, подошёл к ней, сел на край дивана рядом, взял её за подбородок, заставил поднять глаза.

— Это «мы», Эмми. Если ты захочешь. А как жить — придумаем. Ты и я, против всего этого города, если понадобится.

— Город узнает уже к обеду, — сказала она. — Ты же знаешь, как здесь устроено. Кто-то видел, как мы уходили. Или увидит, как я выхожу сейчас.

— Пусть. Я вчера сказал и повторю: я устал прятаться.

Он наклонился и поцеловал её — коротко, успокаивающе, в уголок губ. Эмми закрыла глаза, и на секунду ей захотелось остаться ещё на час, на день, не выходить из этого кабинета, пока мир не передумает. Но мир не передумывал. Она оделась быстро, не глядя на него, чтобы не передумать. Платье помялось, волосы пахли им, кожа пахла им. Филипп натянул брюки, проводил её до двери кабинета. Клуб был пуст и темен — вчерашняя вечеринка выветрилась, оставив только запах пролитого на стойку спирта и перевёрнутый стул у танцпола.

— Я отвезу тебя, — сказал он.

— Не надо. Тут десять минут пешком. И мне надо пройтись.

— Эмми.

Она обернулась у двери.

— Что?

— Я ни о чём не жалею. И хочу, чтобы ты знала: это не было «побудь на одну ночь». Я хотел тебя всю. И сейчас хочу.

Эмми смотрела на него — невысокого, босого, с припухшими после сна глазами, стоящего посреди пустого клуба, — и чувствовала, как внутри что-то медленно, окончательно переворачивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.